

ИСТОЧНИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧНОСТИ СЕМАНТИКИ ДЕВЕРБАТИВОВ

Аналізуються фактори, які зумовлюють фразеологічність семантики віддієслівних найменувань діяча, а також розглядається можливість типізації пропозиціональних імплікацій

Ключові слова: семантика, фразеологічність, пропозиціональні імплікації, найменування діяча, девербатив.

Анализируются факторы, обуславливающие фразеологичность семантики отглагольных наименований деятеля, а также рассматривается возможность типизации пропозициональных импликаций.

Ключевые слова: семантика, фразеологичность, пропозициональные импликации, наименования деятеля, девербатив.

Factors which cause semantic augments in nouns derived from verbs and denoting a doer of an action are analyzed and besides, the possibility of implicit meaning typification is considered.

Key words: semantic augments, implicit meaning, deverbative, to denote, a doer of an action.

Словарная дефиниция, эквивалентная производному имени деятеля, представляет собой « особый тип синтаксической конструкции» [8, с.289] с экспонированными связями и актантами производящего. Складывающиеся внутри словообразовательной конструкции отношения, по мнению Марчанда, повторяют определенные синтаксические отношения с разницей в том, что эксплицитная синтагма, предложение, редуцируется в словообразовательной конструкции – синтагме латентной [8; 21, с. 132-133]. Производное, - утверждает Г. Марчанд, - это синтагма с отношениями определяющего и определяемого (determinant и determinatum), и суть анализа отношений между компонентами производного заключается в том , чтобы установить, какая именно часть предложения – субъект, объект или обстоятельство – становятся determinatum сложения, а какая часть предложения осмысливается, соответственно, как детерминант” [8; 22, с. 62].

“Маркированность семантической связи характером и содержанием определенного вида отношения, обязательно инкорпорированного в его дефиниционную часть, дает полное представление об именуемой реалии. Наличие определенного сходства в построении словообразовательной модели и синтаксической позволяет “на основе уже зафиксированных образцов ... создать модель, которая была бы приемлема к потенциально возможным объектам и которая отразила бы в исчислимом и конечном множестве символов неопределенное и бесконечно большое количество реальных и потенциально возможных объектов” [2, с. 52; 16, с. 379].

Анализ словообразовательной семантики производных слов, их “внутреннего” (глубинного) синтаксиса, актуализирующего те или иные аспекты содержания, на основании своеобразного распределения видов мотивационных отношений между словообразовательными типами, позволяет в их составе выявить модели, группируемые по типу номинации [7; 44-47; 10; 11 и др.].

Сложность, с которой приходится столкнуться, состоит в том, что в пределах одного ономастологического аспекта оказываются реализованными структурно-логические схемы, получающие разное

словообразовательное решение, но с той разницей, что для одного словообразовательного типа это характерное, “ядерное” решение, типичное, а для другого – “периферийное” [1, с. 47].

Наборы актантных и семантических связей позволяют одному и тому же мотивирующему и мотивированному презентовать разные структурно-логические схемы (за счет смысловых приращений) и одновременно ограничивают актуализацию словообразовательного потенциала глагола в силу принадлежности к определенной лексико-семантической группе [Там же, с. 51]. В то же время “синтаксичность словообразовательных процессов есть их универсальное, функциональное свойство, определяющее в содержательном аспекте характер и типологию этих процессов и, в конечном итоге – структуру производного слова” [17, с. 159; 1, с. 44].

Неоднородность скрытых семантических компонентов по характеру и источникам возникновения – факторы, определяющие степень их серийности, индивидуальности, предсказуемости и непредсказуемости [9, с. 252].

В русском языке примеры отглагольных субстантивов свидетельствуют в пользу того, что способы концептуализации определяют способы вербализации, а степень предсказуемости скрытых в них дополнительных смыслов имеет градационный характер: 1) полная; 2) высокая; 3) промежуточная; 4) низкая или отсутствующая полностью. Поэтому с некоторыми поправками заимствуется [9, с. 247-248] соответствующая номинация скрытых дополнительных смыслов:

нулевой (*цокальщик* – ‘тот, кто цокает’ [25, т. 4, с. 1228]; *дакальщик* – ‘тот, кто дакает’ [25 т. 3, с. 538]);

минимальный – унаследованный от производящего, обусловленный его семантикой и валентностями, системный, регулярный, предсказуемый, напр.: *нагребальщик* – ‘рабочий, занятый нагребанием чего-л.’ [24, т. 7, с. 118], *нагревальщик* – ‘рабочий, занятый нагреванием чего-л.’ [24, т. 7, с. 119] (скрытый, но регулярно предсказуемый смысл ‘профессия’);

фразеологический – приращенный в процессе словообразования, не всегда регулярный, но с выраженной тенденцией к предсказуемости, ср.: *изгнанник* – ‘тот, кого изгнали’; *выученик* – ‘тот, кого выучили, прошедший школу у кого-н.’, но *взрывник* – ‘не тот, кого взорвали’, а ‘тот, кто профессионально выполняет действие – *взрывает*’);

идиоматический – уникальный, неповторимый, единичный, непредсказуемый, не выводимый по стандартной модели / схеме, напр. *связник* – *спец.* ‘Часть тычинки, соединяющая половинки пыльника’ [24, т. 13, с. 455], *наездник*₆ – *спец.* ‘Насекомое из отряда перепончатокрылых, откладывающее яйца в тело гусениц других насекомых’ [24, т. 7, с. 190].

Таким образом, в лингвистике представлены две точки зрения [9, с. 98] на фразеологичность семантики производных как индивидуальное свойство конкретного слова, в пределах которого она 1) невыводима, непредсказуема и в силу ее индивидуальности нетипизирована (М. В. Панов, А. М. Пешковский) и 2) предсказуема, выводима, типизирована

(О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, И. С. Улуханов, И. Г. Милославский, В. А. Кудрявцева). Обе они представляют собой крайности, обе имеют право на существование с той только разницей, что у словообразователя особый интерес вызывают производные с типовым, регулярным характером приращений. Градация на уровне приращения производных имени деятеля (ср.: уровень внутренней формы и уровень словообразовательного значения) позволяет и в нем увидеть родо-видовые отношения: смысловое приращение как некая абстракция (вообще) и ее реализация в частностях (НП, МП, ФП, ИП). В отличие от ВФ и СЗ этот слагаемый ЛЗ компонент может полностью отсутствовать.

Учет и анализ нетипизированных приращений, в свою очередь, имеющих место как языковой факт, также помогают прояснить перспективы развития, т.е. являются показательными.

Типы отношений в синтагме девербатива (субъектные, объектные, осложненные инструментальными, временными, целевыми и т. п. характеристиками) представляют разновидности синтагматической субординации, т. к. актанты, вступающие в синтагматические отношения с производящим словом, семантически дополняя его, детерминируются им.

Источниками скрытых компонентов значения в семантике деривата называются “производящая основа, обеспечивающая сохранение значения исходной предикативной конструкции; суффикс, закрепляющий приращенное значение, а также экстралингвистический и прагматический факторы, привносящие индивидуальное значение в семантику слова” [9, с. 246].

Структурно невыраженное “нечто большее”, определяемое лингвистами как фразеологичность семантики, детерминируется рядом факторов:

1. многопризнаковостью денотата (наименования *выключатель* и *включатель* соотносится с представлением об одном и том же приспособлении, *шифровщик* коррелирует с представлением о таком же *лице*, что и *расшифровщик*, *скупищик* – ‘тот, кто скупает и перепродает что-л.’ [24, т. 13, с. 1098]);
2. синтаксической ролью производящего глагола (напр., активность – пассивность: *воспитатель* – *воспитанник* и т. п.);
3. особенностями лексической семантики производящего слова (*гонщик* – ‘тот, кто гонит спортивные машины, стадо, лес’ [24, т. 3, с. 261]; *терищик* – ‘тот, кто растирает, размельчает что-л.; растирает тела в бане’ [24, т. 15, с. 373]);
4. частными словообразовательными значениями ‘лицо’ / ‘предмет’ / ‘вещество’ / ‘место’: *распределитель* – 1. ‘Лицо, распределяющее что-л.’ 2. ‘Учреждение, ведающее распределением кого-л. ...’ 3. ‘В период существования карточной системы магазин, в котором распределялись

- товары'. 4. 'Приспособление, устройство, машина и т. п. для распределения чего-л. (тока, газа, воды и т. п.)' [24, т. 12, с. 738]; *наполнитель* – 1. 'Рабочий, занимающийся наполнением чего-л.' 2. 'Вещество, прибавляемое к другому веществу для улучшения свойств последнего' [24, т. 7, с. 397];
5. наличием или отсутствием коннотации (*паскудник* – груб., простореч., бранное [24, т. 9, с. 256]; *искуситель* – книжн. [23, с. 219]; *ваятель* – устар. и высок. [23, с. 60].);
 6. возможностью употребления производного слова в переносном значении (метафора, метонимия): *штамповщик (идей)*, *пленник (страстей)*; *заместитель* ('лицо' – 'должность'), *заготовитель* ('лицо' – 'организация');
 7. субъективным и объективным характером внутренней формы (ср.: *воспитатель* – о том, кто не соответствует образу, и т. п.).

Асимметрия между планом содержания и выражения предстает наглядно в дефиниции, выражающей лексическое значение слова, т. к. объяснительная часть превышает по объему дефинируемое производное. "... Парадокс семантики, заключающийся, образно говоря, в том, что шар большего объема, т. е. план содержания, вкладывается в шар меньшего объема – план выражения" [82, с. 85], так *писатель* – не тот, кто просто пишет, а 'лицо, профессионально занимающееся литературной деятельностью; автор художественных произведений' [24, т. 9, с. 1225].

Фразеологичность семантики производного наименования безусловно зависит от фактора одно- / многозначности производящего глагола (чем меньше значений у производящего, тем больше вероятность предсказать значение приращения), от степени проявляемой именем избирательности в наследовании значений глагола, от способа / вида мотивации семантики производного имени производящим глаголом ("параллельная", "радиальная", "опосредованная") [15]. Согласно исследованиям, "параллельная мотивация наблюдается в случае, когда от каждого значения исходного глагола образуется несколько значений имени. В случае радиальной мотивации от одного значения мотиватора образуется несколько значений имени. Наконец, при опосредованной мотивации образуется вторичное, метафорическое значение имени" [9, с. 251].

В то же время, несмотря на одинаковую внешнюю форму, первичное и вторичное наименование также обладают разными значениями, т. е. за поверхностным тождеством скрывается прямой и переносный смысл дериватов, обуславливаемый разными идейными стержнями (характером внутренней формы) и курсором (смысловым приращением): *лакировщик* (прям.) – *лакировщик* (перен.), *волынец* (прям.) – *волынец* (перен.) и т. п.

Прямые и переносные значения глагола могут оформляться в дериватах разными суффиксами, ср.: *сеяльщик* – 'с./х. рабочий,

занимающийся посевом семян' [24, т. 13, с. 739] и *сеятель* – *высок.* 'Тот, кто сеет. *С. знаний, добра* (перен.)' [23, с. 621]; *подрывник* – 'специалист по взрывным, подрывным работам' [24, т. 10, с. 578] и *подрыватель* – 'тот, кто вредит чему-л.' [24, т. 10, с. 575]; *носильщик* – 'рабочий по переноске чего-л. // рабочий по переноске багажа на вокзалах, пристанях и т. п.' [24, т. 7, с. 1412] и *носитель* – 1. 'Тот, кто обладает, наделен чем-н. (идеями, талантом, идеалами и т. п.)'. 2. 'О предмете, веществе и т. п., обладающем каким-л. свойством, содержащим в себе что-л.'. 3. *Спец.* 'Распространитель какой-н. инфекции' [24, т. 7, с. 1412]; *гонщик* – 'участник спортивных гонок' [24, т. 2, с. 261] и *гонитель* – (*высок.*) 'притеснитель, преследователь' [24, т. 3, с. 170], но могут иметь и одинаковые структурные выражения, напр.: *проповедник* – 1. 'Тот, кто произносит проповеди.' 2. (перен.) 'Распространитель какого-н. учения, идей, взглядов и т. п. (книжн.)' [23, с. 535]; *пленник* – 1. 'Человек, взятый в плен, находящийся в плену'. 2. (*перен.*) 'Человек, находящийся под непреодолимой властью, влиянием кого-, чего-л.' [24, т. 9, с. 1374].

Семантическая сочетаемость производящего, возможное его лексическое окружение сказываются на степени идиоматичности производного. Так, исключительная направленность действия производящего глагола на один объект лишает производное слово в прямом его значении идиоматичности: *копать (землю)* – *копальщик*, *пилить (дерево)* – *пильщик*, *прясть (пряжу)* – *прядильщик*, *удить (рыбу)* – *удильщик* [13; 14; 19; 20 и др.]. Тем не менее в подобных словах возможность умышленной подмены не экспонируемого в структуре производного слова объекта создает предпосылки для метафоризации (напр., *пилить мужа*, *удить / выуживать информацию*).

Направленность действия может предполагать и несколько объектов, напр.: *подавать (кирпичи на стройке; кушанья, блюда в столовой; пожертвования и т. д.)* – *подавальщик* [24, т. 10, с. 214]; *расширять (обувь; скважины; трубчатые органы и т.д.)* – *расширитель* [24, т. 12, с. 1008]. Объектная сема, в таких случаях, формирует скрытое значение, эксплицировать которое можно только в контексте ситуации речевого общения. Между тем "...семантический результат относительной актуализации двух или более слов в каждом языке не только разнообразен, но и в высшей степени своеобразен и идиоматичен" [204, с. 68].

Многозначная производящая основа в синхронном срезе языка вмещает в себе все возможные на этом этапе развития слова семантические признаки (и первичные, и переносные), определяющие отдельные его (производящего глагола) семантические значения. Отличие мотивации моносемными, семантически элементарными словами от мотивации полисемными заключается в появлении, как

правило, фактов более высокой степени идиоматичности во втором случае по сравнению с первым [12, с. 100].

Потенциально любое слово (и моносемное в том числе) способно передавать несколько значений. На базе каждого из них при отсутствии строгих ограничений может возникнуть производное, которое может быть и носителем, и источником переносных, вторичных наименований [7, с. 6].

Степень активности использования производящего слова носителями языка, являющаяся показателем его социально-культурной значимости, оказывает влияние на его словообразовательный потенциал. Большая частота употребления производящего обуславливает его высокую деривационную активность [18, с. 64]. Значение производных от лексических единиц иноязычного происхождения подвергается сужению / расширению в зависимости от особенностей их осмысления в родном языке. Это увеличивает степень фразеологичности семантики производных

ВФ языковой единицы нельзя свести ни к этимологии, ни к лексическому значению, ни к мотивированности, ни к сумме значений составляющих морфем. Она только ориентирует на значение слова, не обозначая его, создавая условия для порождения явления фразеологичности семантики производных слов. Характер же ВФ слов непосредственно связан со словообразовательными особенностями производной лексической единицы. Образно говоря, ВФ дает жизнь слову, “настраивает” на то, какое лексическое значение оно будет передавать (абстрактное, образное, оценочное и т. д.).

Таким образом, при синхронном рассмотрении внутренняя форма производного слова – это ключевой эксплицитный компонент его словообразовательной семантики, который позволяет установить структурно-семантическую связь с производящим словом, указывает не только на выделяемый сознанием отличительный признак реалии, но и на отношение (прямое, переносное) к ней, а также позволяет как передать, так и предположить содержание, заключенное в вербальной оболочке. ВФ одновременно выступает и носителем идейной информации, и координатором внешней структурной формы деривата. ВФ диктует способ образования производных слов (в случае сходства основополагающей идеи), и развитие их значения.

При условии регулярности внутренних импликаций производных имен деятеля тождественной структуры отмечаются перспективы их систематизации на основании общей специфики характера внутренней формы производного слова. Было установлено, что имплицитные смысловые отношения фиксируются в словообразовательных моделях достаточно регулярно. Когнитивный подход к выявлению специфики семантической структуры производного слова позволяет произвести учет типизированных пропозициональных импликаций: 1) своеобразие

синтаксических и семантических связей, 2) степень их предсказуемости на основании регулярности.

В этой связи систематизация информации (объектной, субъектной, атрибутивной, обстоятельственно-характеризующей – причины, места, времени и др., а также коннотативной, ассоциативно-образной, ассоциативно-смежной), передаваемой семантическими приращениями в зависимости от характера внутренней формы, способствует решению проблемы декодирования структуры отглагольных производных. Взаимодействие и соотношение скрытых связей (предикативных, семантических, логических, ассоциативных) производящего слова и основополагающего признака номинируемого производным словом фрагмента действительности (т. е. внутренней гипотезы слова) принимает определенную словообразовательную форму, тем самым формируя качественное своеобразие производного слова как представителя словообразовательного типа. Следовательно, семантическое приращение является словообразовательным явлением.

Библиографические ссылки

1. Араева Л. А. Словообразовательный тип как семантическая микросистема. Суффиксальные субстантивы (на материале русских говоров): Дис... д-ра филол. наук. – Кемерово, 1994. – 452 с.
2. Волоцкая В. М. Об одном подходе к описанию словообразовательной системы // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. – М.: Наука, 1966.-270 с. – С. 51-62.
- 3.. Голев Н. Д. Типы реализации предметных мотивирующих значений в производной лексике русского языка // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. – Томск: Томский ун-т, 1979.– Вып. 3. – С. 11-19.
- 4.Голев Н. Д. Ономазиология как наука о номинации (О взаимодействии ономазиологии и семасиологии) // Семантика слова и ее функционирование: Межвуз. сб. науч. тр. – Кемерово, 1981. – С. 9-10.
- 5.Голев Н. Д. К соотношению лексической и словообразовательной мотивации (функциональный аспект) // Актуальные проблемы русского словообразования: Сб. науч. ст. – Ташкент: Укитувчи, 1985. – С. 117-124.
- 6.Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации: Дис...канд. филол. наук: 10.02.19. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. – 250 с.
- 7.Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. – М.: Наука, 1979. – 263 с.
8. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус русского литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 366 с.
- 9.Кудрявцева В. А. Наследование валентностных свойств глагола отглагольным именем: (На материале наименований лиц в русском языке): Дис...д-ра филол. наук: 10.02.01. – М., 1991. – 379 с.
10. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 149 с.
11. Кубрякова Е. С. О новых путях исследования значения (теория айсберга) // Проблемы семантического описания единиц языка и речи. – Минск, 1998.

12. Моисеев А. И. Мотивированность слов // Уч. зап. ЛГУ. – №232 – Сер. филол. наук. – Вып. 68. – Л., 1963. – 255.
13. Морозова Т. С. Наблюдения над фразеологичностью семантики производного слова // Вопросы русского и общего языкознания: Сб. н. тр. – № 580. – Ташкент: Ташк. гос. ун-т, 1979. – С. 129-133.
14. Морозова Т. С. О фразеологичности семантики производных слов (на материале отглагольных существительных) // Русский язык в нац. школе. – 1983. – №3. – С. 15-20.
15. Медведева Л. М. Типы словообразовательной мотивации и семантика производного слова // Вопросы языкознания. – 1989. – №1. – С. 86-88.
16. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – 560 с.
17. Сахарный Л. В. Некоторые особенности функционирования словообразовательных моделей (На материале имен существительных в русских говорах Среднего Урала) // Уч. зап. Перм. ГУ. Языкознание. – Пермь, 1966. – №612. – С. 136-159.
18. Тихонов А. Н. Синхрония и диахрония в словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд: Самарк. гос. ун-т, 1972. – С. 351-374.
19. Улуханов И. С. Изменение лексической сочетаемости как причина семантических изменений // Актуальные проблемы лексикологии / Тез. докл. 3-й лингв. конф. Ч. 3,4. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1971. – 301 с.
20. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. – М.: Наука, 1977. – 256 с.
21. H. Marchand. On attributive and predicative derived adjectives and some problems related to the distinction. – “Anglia”, 1966, Bd.84, H.2.
22. H. Marchand. The analysis of verbal lexus nexus substantives. “Indogermanische Forschungen”, 1965, Bd.70, H.1.
23. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.
24. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.-Л.: АН СССР, “Наука”, 1948-1965.
25. Толковый словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935-1940.